

О. В. Раевская
(Москва)

О дискурсивном потенциале прилагательного

П р а в д и н (взяв книгу). Вижу. Это грамматика.
Что ж вы в ней знаете?

М и т р о ф а н. Много. Существительна да прилагательна...

П р а в д и н. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

М и т р о ф а н. Дверь, которая дверь?

П р а в д и н. Котора дверь! Вот эта.

М и т р о ф а н. Эта? Прилагательна.

П р а в д и н. Почему же?

М и т р о ф а н. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не вывешена: так та покамест существительна.

(Д. И. Фонвизин. «Недоросль»)

Эти слова Митрофанушки обычно приводятся как свидетельство его вопиющего невежества в области русской грамматики, однако для лингвиста они могут послужить предметом более серьезных, чем, очевидно, предполагал автор, размышлений. Фонвизин, конечно, вряд ли задумывался о месте прилагательного в системе частей речи, и юмористический эффект этого диалога связан с обыгрыванием того, что можно было бы назвать «народной этимологией» терминов «существительное» и «прилагательное». В самом деле, это так просто: существительное — то, что «существует», прилагательное — то, что «прилагается». Применительно к указанной конкретной двери внутренняя форма слова предстает в своем наиконкретнейшем воплощении.

Как ни смешно это звучит по отношению к двери, «существительное» и «прилагательное», как и полагается терминам, указывают своей мотивирующей основой на наиболее важные, релевантные черты обозначаемых ими феноменов. И именно с этой точки зрения в рассуждениях Митрофана, своим невежеством оживляющего умершую внутреннюю форму терминов, можно обнаружить нечто весьма существенное для характеристики этих частей речи.

Если обозначить проблему в самом общем виде как «система частей речи», имея в виду отношения между основными, знаменательными частями речи, то ее предельно обобщенное, оптимальное, по-видимому, решение находим у В. Г. Гака, который продемонстрировал три возможные (т. е. представленные в специальной литературе) типа иерархий, которые выдвигают «на первый план одну из реально существующих черт в отношениях между частями речи» [Гак 1986, 54]: 1) существительное и глагол признаются

двумя равноправными главными частями речи, «которые соотносятся с двумя основными членами предложения — подлежащим и сказуемым»; 2) главной частью речи признается существительное, ввиду того, что оно «обозначает независимый предмет мышления»; 3) главной частью речи признается глагол как «ядерный элемент предложения», «выразитель предикативности» [*Там же*].

Таким образом, проблема «система частей речи» фактически сводится к интерпретации оппозиции «существительное — глагол». Фундаментальность и очевидность этой оппозиции подкрепляется тем, что за ней стоят такие кардинальные для различных сторон речевой деятельности оппозиции, как «подлежащее — сказуемое», «субъект — предикат», «тема — рема», «идентификация — характеристика» и т. д. (см.: [Кубрякова 1997, 229]. Более того. У этой оппозиции есть еще один важный смысл, который обнаруживается при ее соотнесении с двумя основополагающими осями, двумя измерениями языка: словарем и грамматикой. Существительное как важнейшее средство номинации составляет «наибольший процент словаря всякого языка» [Гак 1986, 67]. Глагол как ядро предложения, заключающий в себе в скрытом виде структурную схему пропозиции с ее необходимыми характеристиками, воплощает в себе грамматическое начало («La grammataire est toute entière dans le verbe» [Bally 1955, 120]). Таким образом, можно сказать, что существительное и глагол, как основополагающие лексико-грамматические, или когнитивно-дискурсивные (см.: [Кубрякова 1997]) категории метонимически представляют предельно обобщенную структуру языка в целом.

А прилагательное? Если обозначить проблему как «место прилагательного в системе частей речи», то главным здесь будет, во-первых, не оспариваемая никем второстепенность и, во-вторых, связанная с этим некоторая неопределенность его положения, особенно на фоне предельно четкой, насыщенной многоплановым содержанием оппозиции «существительное — глагол». Именно по отношению к прилагательному, зависимо-му по определению, в отличие от суверенных существительного и глагола, актуальна постановка вопроса о месте в системе частей речи. Будучи генетически производным от существительного [Потебня 1968; Якубинский 1952 и др.], прилагательное находится в системной зависимости от него. Главная характеристика прилагательного — его семантическая и грамматическая несамостоятельность, его зависимость от существительного. В этой несамостоятельности и кроется, по-видимому, причина того, что прилагательное — «одна из наименее изученных и сложных для исследования частей речи» [Вольф 1978, 3].

Итак, прилагательное несамостоятельно и зависит от существительного. А для чего оно? Вряд ли только для того, чтобы обозначать признак (свойство, качество). То есть оно, конечно, обозначает признак, в той мере, в которой существительное обозначает предмет¹, а глагол — действие.

Но, помимо указанных характеристик из области категориальной семантики, существительное и глагол служат для решения более важных задач, чем и обусловлена суверенность каждого из них. Существительное предназначено для того, чтобы обеспечивать номинативную деятельность. Можно сказать, что в реализации номинативной функции состоит сам смысл существования этой части речи. Практически все, что существует (как в реальности, так и в воображении), может быть названо **существительным**. На фоне номинативной функции, воплощенной в существительном (разумеется, другие знаменательные части речи тоже по-своему, в пределах соответствующих категориальных и лексических значений, **называют**, но в данном случае речь идет о том, что именно суще-

¹ Ср. у М. В. Панова: «„Существительное обозначает предмет“. Определение это было бы неплохим, если бы мы знали, что означает в нем слово „предмет“» [Панов 1960, 6].

ствительное является именем *par excellence*), предназначение глагола состоит в реализации коммуникативной функции.

Иными словами, предельно обобщая, можно сказать, что существительное существует для того, чтобы называть, а глагол — для того, чтобы говорить. На эту функцию глагола указывает и сама внутренняя форма термина. Ср. у В. Даля: «Слово, речь, выражение; словесная речь человека, разумный говор, язык. Грам. Часть речи, разряд слов, выражающих действие, состояние, страдание» и у С. И. Ожегова: «1. В грамматике: часть речи, обозначающая действие или состояние... 2. Речь, слово (стар.)». В связи с этим можно вспомнить и пушкинское «Глаголом жги сердца людей», и соответствующее значение термина «вербализовать» («выразить при помощи языка»), актуализирующее этот аспект содержания слова «глагол» в терминологиях, называющих эту часть речи в опоре на латинский корень, имеющий те же значения, что приведены и у В. Даля.

С этим связан и еще один важный смысл оппозиции «существительное — глагол», на который указывал Ю. С. Степанов: «в то время как выделение „имени“ опирается в конечном счете на отражение явлений объективного мира... и, следовательно, имеет объективные, „внеязыковые“ основания, выделение „глагола“ основано прежде всего на устройстве предложения, и объективное основание является здесь „внутриязыковым, хотя также универсальным“ [Степанов 1981, 118].

А на каком основании выделяется прилагательное? В отличие от существительного и глагола «прилагательное как часть речи не только не является универсальной категорией, но составляет класс слов, наименее специфицированный по сравнению с другими морфолого-синтаксическими классами» [Лингвистический энциклопедический словарь, 397]. Тот минимум грамматической спецификации, который позволяет выделять прилагательное как самостоятельную часть речи, состоит в его зависимости от существительного. При этом грамматическая зависимость является следствием семантической несамостоятельности прилагательного. «Поскольку прилагательное соотносится с денотатом только через посредство определяемого им существительного, оно всегда семантически связано с последним» [Там же].

Однако, если грамматическая зависимость прилагательного от существительного очевидна и ввиду этого сомнению не подвергается, сказать то же самое о семантической зависимости, по крайней мере без существенных оговорок, нельзя. О каких оговорках может идти речь? Прежде всего надо отметить феномен так называемого смещенного определения, который обычно интерпретируется в рамках метонимических переносов [Долинин 1978, 157; Henry 1983, 23]. Так, пушкинские *пустынные* волны из *На берегу пустынных волн* являются ярким примером смещения определения (от берега к волнам), особенно очевидного при сравнении, во-первых, с *пустынными* улицами из соседних строк: *И ясны спящие громады Пустынных улиц*, во-вторых, с *оживленными* берегами, в пределах той же страницы: *ныне там По оживленным берегам Громады стройные теснятся Дворцов и башен*. Факт смещения определения подтверждается при помощи простого теста: такое прилагательное не может стать предикатом. Ср.: *улицы — пустынные, берега — оживленные, берега — пустынные* и **волны — пустынные*.

Феномен смещенного определения, будучи безусловно стилистически маркированным приемом, не отмечен в то же время какой-либо особой исключительностью. Продолжая перечитывать «Медного всадника», обнаружим и *Твоих оград узор чугунный*, и *Нева металась, как больной В своей постеле беспокойной* и т. п.

Расхождение между грамматической и семантической зависимостью, которое наблюдается при смещении определения, можно квалифицировать как определенную дискурсивную свободу прилагательного. В рассмотренных примерах эта свобода проявляется

в минимальной степени: линия семантической зависимости прилагательного, отделившись от линии его грамматической зависимости, соединяет его с другим существительным в пределах одного предложения.

Возможны и другие проявления дискурсивного потенциала прилагательного, который может охватывать семантическое пространство разной конфигурации и разного объема. Ср.: *Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми вы почтиительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем* (Н. В. Гоголь). Несовпадение семантической и грамматической зависимости в данном случае налицо. Однако, в отличие от рассмотренных выше примеров, где это несовпадение маркировано двумя существительными, воплощающими грамматическую и семантическую зависимость, у прилагательного *невежливый* линия семантической зависимости ведет не к существительному, а к глаголу (*толкнуть*). Таким образом, данное смещение определения (также метонимической природы) сопряжено с перекатегоризацией, или транспозицией, что позволяет квалифицировать его уже не как смещенное (от существительного к существительному), но как транспонированное определение.

Подобные случаи транспонированного определения, при всей своей стилистической маркированности, также не являются исключительными. Они позволяют ставить вопрос не просто о дискурсивном потенциале прилагательного, или о его дискурсивной свободе, но о содержательных основаниях такой свободы. Рассмотрим еще два аналогичных примера: *Упала громкая ложечка, затанцевала чашка, покати́лся карандаш, заскользи́ла книга по книге* (В. Набоков) и *Выпивала она ровно одну бутылку красного вина, начиная быстрым стаканом и растягивая оставшиеся полбутылки часа на два* (Л. Улицкая). Казалось бы, признаки *громкий* и *быстрый* не могут относиться к конкретным предметам, которые сами по себе не звучат и не действуют. Ложечка бывает чайная, серебряная и т. д., но не громкая. Стакан может быть граненым, чистым и т. д.; он не может быть быстрым, его (не останавливаясь отдельно на нормативном метонимическом употреблении) можно быстро выпить. Так словарно закреплены возможности семантического согласования для указанных слов, определяющие их сочетаемость. Прилагательные *громкая* и *быстрый*, употребленные, казалось бы, вразрез с нормами сочетаемости, актуализируют такие признаки, которые можно, в плане выражения, определить как дискурсивно релевантные, а в плане содержания — как ситуативно значимые. Они указывают, как расставлены смысловые акценты актуализации такой внеязыковой реальности, в которой упавшая ложечка воспринимается не столько зрением, сколько слухом, а скорость, с которой пьется вино, измеряется не абстрактными единицами времени, а конкретными стаканами. Иными словами, дискурсивный потенциал прилагательного используется для актуализации ситуативно значимых признаков.

Смещение и транспозиция определения — не предел дискурсивной свободы прилагательного, способного создавать семантическое пространство, выходящее за пределы высказывания. Ср.: *По обочинам жаркой, июльской дороги росла высокая розь, уже склонившая голову назад к земле...* (А. Платонов). Прилагательные *жаркая* и *июльская* только формально являются определениями *дороги*. По существу они представляют собой самостоятельные в содержательном плане элементы высказывания, которые можно квалифицировать как два самостоятельных (учитывая запятую между прилагательными) предиката (*стоял июль* и *было жарко*), которые могли бы быть центрами соответствующих высказываний.

Дискурсивная свобода рассмотренных прилагательных становится особенно очевидной на фоне самого названия рассказа А. Платонова — «Июльская гроза», в котором

прилагательное употреблено нормативно, т. е. в соответствии с правилами семантического согласования, заданными существительным *гроза*. Если данный природный феномен характеризуется, главным образом, двумя признаками: временем протекания и интенсивностью (ср.: *летняя гроза*, *сильная гроза* и т. п.), то дороге свойственны иные — как правило, пространственные — характеристики (ср.: *длинная дорога*, *неровная дорога*, *прямая дорога* и т. п.). Отсюда — различие в проявлении дискурсивного потенциала прилагательного, которое предстает в *июльской грозе* как связанное (с *грозой*), а в *июльской дороге* — как свободное (от *дороги*).

Такой выход семантического потенциала прилагательного за пределы предложения, рамками которого ограничена его грамматическая подчиненность, можно назвать, продолжив ряд рассмотренных случаев расхождения грамматической и семантической зависимости, экстрапозицией определения.

Рассмотренные примеры демонстрируют разную степень дискурсивной свободы прилагательного, градацию которой можно представить следующим образом: *июльская гроза* — связанное определение (= нулевая свобода); *на берегу пустынных волн* — смещение определения; *упала громкая ложечка* — транспозиция определения; *жаркая, июльская дорога* — экстрапозиция определения. Основной механизм реализации дискурсивного потенциала прилагательного — метонимический перенос. При этом, какова бы ни была степень дискурсивной свободы, последняя не идет в ущерб смысловой цельности и коммуникативной ясности в силу того, что метонимические основания переноса понятны и очевидны.

Семантическая свобода прилагательного — не единственная характеристика его дискурсивного потенциала. Помимо степени свободы, дискурсивный потенциал прилагательного может различаться своей направленностью. Сравним рассмотренный выше пример *По обочинам жаркой, июльской дороги росла высокая рожь, уже склонившая голову назад к земле...* (А. Платонов) и еще один случай экстрапозиции определения из того же рассказа А. Платонова: *Девочке теперь стало не так страшно находиться под безлюдным солнцем, в грустном шуме ржи и в тишине ровного полуденного ветра...* В первом случае прилагательные *жаркая* и *июльская*, благодаря скрытой в каждом из них предикативности, имплицитно развертывают предложение вовне, по двум соответствующим предикатным линиям. Это похоже на действие центробежных сил, и дискурсивный потенциал прилагательного, семантически имплицитно выходящий за пределы предложения, можно, соответственно, определить как экстрапропозиционный.

Сопоставив *жаркую, июльскую дорогу* и *безлюдное солнце*, обнаружим своего рода рокировку определений (ср.: *безлюдная дорога* и *июльское солнце*), однако полного параллелизма дискурсивных характеристик прилагательных нет. Во втором примере представлено обратное направление семантической связи. Прилагательное *безлюдный*, в силу своей семантики, во-первых, и предшествующего контекста, во-вторых, имплицитно связывает семантическую связь с существительным *дорога*. При этом имплицитная во втором примере *дорога* является не менее важным компонентом смысла высказывания, чем в первом примере. Более того. Если для формирования смысла первого высказывания определения *жаркая* и *июльская* являются, строго говоря, необязательными, составляя смысловое ядро потенциальных самостоятельных высказываний, то для второго высказывания в определенном смысле необязательным является *солнце* (может быть, его можно рассматривать как метонимическое обозначение дороги?), в отличие от прилагательного *безлюдный*, которое значимо для смысла высказывания тем, что имплицитно связывает важное для этого смысла существительное *дорога*. Таким образом, во втором примере прилагательное вводит в семантическое пространство высказывания формально не представленный в

нем компонент смысла, как бы притягивая его к себе. Это можно сравнить с действием центростремительных сил, и, соответственно, дискурсивный потенциал прилагательного можно в этом случае определить как интрапропозициональный.

Во всех рассмотренных примерах, иллюстрирующих различные проявления дискурсивного потенциала прилагательного, последнее представлено в одной из своих функций — атрибутивной. Очевидно, что именно с несамостоятельностью (значения), второстепенностью (в структурной схеме предложения) связана дискурсивная свобода прилагательного, благодаря которой актуализируются ситуативно (и, следовательно, дискурсивно) значимые компоненты содержания стоящей за высказыванием внеязыковой действительности. Отмеченное во всех указанных случаях расхождение между грамматической и семантической зависимостью прилагательного, которое, собственно, и составляет содержание дискурсивной свободы, можно, по-видимому, рассматривать как свидетельство того, что смыслы внеязыковой реальности не всегда полностью, без остатка вписываются в предназначенные для этого языковые единицы и схемы. В связи с этим можно было бы привести слова Гёте, которого, правда, по другому поводу, цитировал В. Г. Гак: «Сущее не делится на разум без остатка». Этот самый остаток, которым отмечена разница между жизнью вне языка и жизнью в языке, и лежит в основе дискурсивной свободы, одним из многочисленных и разнообразных проявлений которой можно считать рассмотренный в настоящей статье потенциал прилагательного.

Литература

- Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательных. М., 1978.
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1986.
- Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Панов М. В. О частях речи в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960. № 4.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968.
- Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981.
- Якубинский Л. П. Из истории имени прилагательного // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. 1952. № 1.
- Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Paris, 1955. (Рус. пер.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УРСС, 2001.)
- Henry A. Métonymie et métaphore. Bruxelles, 1983.